

но готовимся. Редакторы пишут досье на героев. Мы пытаемся выстроить, конечно, немножко конфронтационно двух героев, чтобы они и дополнили друг друга, и поспорили. Мы хотим, чтобы эта скважина творческая больше фонтанировала, чтобы литература перестала носить одиозную оболочку, которая появилась в 90-е годы: литература — низкая энергия. Хотя писателей мало с хорошей энергией, приходится признать.

— Кто-нибудь отказывался прийти к вам на съемки?

— Есть ряд писателей, которые избегают телевидения. Скажем, Пелевин. Мы с ним встретились на каком-то литературном вечере, и я ему говорю: "Вить, ты скажешь у нас про Гребенщикова..." — "Хорошо, скажу. Только 30 секунд, в профиль и в очках". А на следующий день я

встречаю его во французском посольстве, и Пелевин мне выдает: "Ты знаешь, я шесть часов медитировал и понял, что мне не надо сниматься на телевидении". Вот такие бывают повороты. Еще очень туго идет на контакт Акунин.

— Вы сами приглашаете гостей или этим занимается редактор?

— Тут сложный расчет. Битов, например, обиделся, что его пригласил редактор: "Что, Ерофеев сам не мог позвонить?" Есть люди безответственные, с которыми договоришься, а

они потом не приходят. Есть люди, для которых это уговаривание виртуозные формы игры приобретает. Потом есть те, кто ко мне относится более чем сдержанно. Евтушенко мне руки не подает уже многие годы за то, что я написал в книге "Мужчины" главу о нем, которая называлась "Е между Г и Д". Так же, как и Маринина, о которой у меня была глава в книжке "Бог Х." — называлась "Мусор на совке".

— И поэтому вы ее упоминали на съемках передачи совершенно спокойно — она все равно не придет.

— Не придет. Но с точки зрения Парнаса это обидно, потому что хочется, чтобы все были. О Битове я тоже написал когда-то "Памятник прошедшему времени" — о его "Пушкинском доме". У него, слава богу, ума хватило к этому отнестись нормально. Чем умнее человек, тем он более толерантен.

Юнга писателя — фотохудожница и будущая журналистка Евгения Дюрер — даже ко времени записи шестой по счету программы держалась молодцом.

— Вы — ведущий программы, но собственное мнение предпочитаете держать при себе. Почему?

— Я подумал, что не стоит раскрываться. Знаете, когда ведешь литературный вечер и говоришь: "Сначала выступит Лимонов, потом Сорокин, Пелевин, а потом я вам прочитаю свои рассказы". И всегда, когда сам читаешь — не то получается. Два разных жанра. Иногда на передаче я рассказываю какие-то истории — они слушаются. У меня такое ощущение, что гости побаиваются меня, потому что думают, что я их куда-то заведу, поэтому такая настороженность существует.

— У вас есть свой способ настроя перед съемкой гостей, аудитории? Я к тому клоню, что на некоторых программах прибегают к такому испытанному средству от мандража, как рюмочка коньяку.

— Мало кто из гостей так уж страшно боится. Хотя, конечно, волнуются. Но вы правы, мы создаем такую атмосферу кухни. Насчет коньяка — у нас нет такой атмосферы бара, но, если кто хочет, мо-

Этот стол едва ли напоминает кухонный. Но именно таковым является.